

я привожу еще пример того, что акад. А. И. Тюменев в недостаточной степени учитывал влияние этой войны на экономику Лагаша времени царя-реформатора.

Поскольку акад. А. И. Тюменев приводит в своей книге имена ряда представителей храмового персонала богини Баба, то, конечно, была бы желательна их конкретизация.

Установление правильного числалуб-дугалей в Лагаше эпохи Урукагины является настолько существенным, что я считал необходимым его коснуться уже в моей статье в ВДИ, 1957 г., № 4.

В конце своего письма акад. А. И. Тюменев упрекнул меня в том, что тон моих критических замечаний «не соответствует объективному, достойному ученого тону». Мне казалось, что тон моих критических замечаний не отличается от тона критических замечаний А. И. Тюменева по отношению к моим высказываниям (см. хотя бы прим. 5 на стр. 175 его книги). Во избежание же в будущем каких-либо обид со стороны акад. А. И. Тюменева я в дальнейшем моем исследовании буду ограничиваться одной лишь констатацией неполадок, устанавливаемых мной.

В. Струве

28 октября 1958 г.

ЛУРИСТАНСКИЕ БРОНЗЫ И КАССИТЫ

Конец 1930 г. я провел в Лондоне, подготавливая каталог первой Выставки персидского искусства, которая затем открылась 7-го января 1931 г. В это время впервые как на выставке, так и у некоторых антикваров разом появилось большое количество так называемых «Луристанских бронз». Я описывал экспонаты мусульманской эпохи, но мои личные воспоминания о юго-западной Персии в период разграничения турецко-персидской границы в 1913—1914 гг., а также работы над историей Луристана¹ привлекли мое внимание к вопросу о происхождении бронз, который все еще был полной загадкой.

Параллельно с выставкой в Лондоне открылся конгресс персидского искусства, на заседании которого 5-го января 1931 г. я и прочел свой доклад, посвященный определению эпохи бронз. Председествовавший А. У. Поп обратил внимание членов собрания на новизну предложенной мною теории о связи бронз с касситами. Никто из присутствующих не пожелал, однако, открыть прения, хотя после заседания, в частной беседе, покойный М. И. Ростовцев выразил согласие с моей касситской теорией.

Мой доклад с незначительными добавлениями был затем напечатан в художественном журнале «Аполло»², где он и был основательно забыт.

Я предлагаю его теперь в моем русском переводе, так как не изменил своей точки зрения, а также ввиду того, что некоторые из приводившихся мною аргументов еще не вошли в обиход науки. Таково, например, мое соображение относительно названия луристанской реки Кашган (Кашаган)³, в котором, как мне кажется, до наших дней сохранилось воспоминание о живших здесь в древности касситах (кашпу).

Я перевожу свою статью как документ 27-летней давности, не вводя в нее поправок и ссылок на позднейшие исследования и толкования.

ЛУРИСТАНСКИЕ БРОНЗЫ

Выдающейся чертой выставки персидского искусства являются так называемые «Луристанские бронзы», но восхищающиеся ими посетители несколько озадачены тем, что каталог молчит о времени и происхождении этих прекрасных древностей.

В этом умолчании никто не повинен. Луристанские бронзы, которые были пред-

¹ См. *Encyclopédie de l'Islām*, Leiden, 1928, *Luristān* и т. д.

² «*Apollo*», 1931, London, стр. 141—142.

³ Окончание — *agān* — есть иранский суффикс множественного числа.

ставлены в некоторых музеях единичными и неотожествленными образцами, стали появляться в большом количестве лишь с начала 1930 г. Если важность находок — равная открытию неизвестного центра цивилизации — была тотчас оценена учеными, до сих пор были сделаны только внешние археологические сравнения между Луристанскими бронзами и сходными предметами, происходящими иногда из таких удаленных мест, как древняя Скифия.

Археологические данные, к сожалению, не сопровождаемые никакими письменными указаниями, конечно, нуждаются в долгом предварительном изучении. Поэтому цель настоящей работы состоит в том, чтобы пролить свет на эти бронзы с географической и исторической точек зрения.

Находки были сделаны в районе долин, которые тянутся вдоль северной части малоизвестной области Персии, Луристана, к востоку от реки Керха. Истоки последней лежат вблизи Керманшаха и Хамадана, а нижнее течение идет по окраине знаменитых Суз. От вышеупомянутых долин Керха отделена гористой областью центрального Луристана. Согласно указаниям главным образом А. Попа в «Illustrated London News», места находок расположены с запада на восток, в долинах Хава, Алиштера и, возможно, Хорремабада.

Предметы, найденные в этом районе, отражают полный круг цивилизации. В витрине выставки можно видеть оружие, сосуды, украшения, предметы культа с изображениями богов и т. д. Термин «Луристанские бронзы» далеко недостаточен, ввиду того что среди находок представлены и другие металлы (железо, спекулум) и гончарные изделия.

Бросается в глаза характерная черта луристанских находок: они принадлежат народу, разводившему коней и пользовавшемуся ими не только для верховой езды, но и для упряжи. Наряду с прекрасными удилами со щечными украшениями, представляющими животных, имеются предметы, явно принадлежащие колесницам.

Сэр Хенри Роулисон, — чье свидетельство особенно ценно, ввиду его полной независимости от интересующего нас предмета, — с его обычным проникновением в суть дела, «в богатых и обширных пастбищах Хаве и Алиштера», которые он первый посетил, распознал «долины, именуемые Нисейскими». Расположенная в Мидии местность Нисаи славилась своей породой коней. Согласно Геродоту (VII, 40), личную колесницу царя Ксеркса везли нисейские кони. Диодор (XVII, 10) говорит, что Александр, отклонившись от прямой дороги в Багистан (Бисутун), провел 30 дней в этой местности, где в прежние времена паслись 160 тыс. коней. Страбон (XI, 13) также упоминает в Мидии долину *Ἰππόβοτος*, предполагаемую родину нисейских коней. Греческая *Νισαία* точно соответствует мидийской местности *Nisāya*, упомянутой в большой надписи Дария: «лжец Гаумата» был убит в крепости *Sikayahuvatiš*, расположенной в той местности, которая может соответствовать развалинам города Алиштер, где было найдено особенно много бронзовых предметов.

Доступ в Алиштер идет через Харсин (*Harsin*, к югу от Бисутуна), где найдено несколько изображений на скалах. Согласно проф. Э. Херцфельду, эти памятники относятся к мидийской эпохе. Так как Харсин лежит на прямой дороге Бисутун—Хава—Хорремабад, не следовало бы удивляться, если бы памятники и предметы, находимые в этом районе (или, по крайней мере, некоторые из них), принадлежали к той же эпохе. Мы имели бы тогда в Луристанских бронзах, обнаруживаемых теперь в таком обилии, остатки мидийской эпохи, относительно которой мы до сих пор знаем так мало, и они могли бы быть тогда датированы временем от X до VII в. до н. э.

1. Харсин 2. Северная граница Луристана 3. Хава 4. Алиштер 5. Центральный хребет

С другой стороны, если чисто археологические черты предметов подсказывали бы более раннюю датировку, нам приходилось бы думать об автохтонном населении северного Луристана до мидийской эпохи. В этом случае мы вряд ли могли бы пройти мимо могущественного народа касситов, или коссейцев (по-вавилонски кашшу, по-гречески Κοσσαι), обосновавшегося с незапамятных времен в районе, простирающемся между Сузами и Экбатаной.

Имя этих грубых горцев упоминается впервые как раз перед 2000 г. до н. э. Четверть столетия позже они покорили Вавилон, где их династия продержалась с 1760 до 1180 г. до н. э. После 700—800-летнего перерыва мы все еще слышим, что Ахеменидские цари, во времена их осеннего перехода из Экбатаны в Вавилон, посылали подарки касситам (Страбон, XI, 13). Зимой 324—23 г. до н. э. Александр покорил коссейцев, но уже в 317 г. до н. э. Эвмен испытал громадные затруднения в их стране, когда пытался пересечь ее без предварительного уговора с их главарями (Диодор, XIX). Память о касситах (кашшу) еще живет, как я думаю, в имени реки Кашган, которая впадает в Керху как раз из того района, где были найдены бронзы. Их физический тип, быть может, все еще сохраняется лурами, которые хотя и говорят теперь на наречии, близко сродном персидскому языку, но выглядят иначе с их длинными бородами, обтянутыми лицами и странными профилями⁴.

Мы не знаем другого значительного и древнего народа в этой области, и потому бронзы должны быть либо касситскими, либо мидийскими, или представлять собой смесь черт и того и другого народов, ввиду того, что Нисайа была пограничной областью, где долгая борьба должна была предшествовать окончательному утверждению мидян.

Но даже до начала мидийской истории некоторые индоевропейские (неиранские или предиранские) элементы проникли к касситам. Возможно, что это могли быть небольшие отряды искателей приключений, подобные тем, которые тренировали хеттских коней. Фактом является то, что в небольшом глоссарии касситских слов с вавилонским переводом, который издал Делич, большинство слов не похоже на слова других древних языков, между тем как некоторые из них обнаруживают поразительное сходство с индоевропейскими или точнее с индийскими. Теперь, когда мы знаем об индийских терминах коневодства, содержащихся в хеттских текстах из Богазкёйского архива, мы можем лучше оценить важность этого явления. Так, имя касситского бога солнца Шурьяш должно быть сравнено с санскритским sūrya (солнце).

Вавилоняне называли коней «ослами восточных гор», и долгое время предполагалось, что касситы были народом, введшим коней в Месопотамию и на запад от нее. Вера в эту теорию, видимо, сильно утрачена, но ее стоило бы пересмотреть в свете фактов, представленных Луристанскими бронзами.

Одним из возражений против приписывания этих предметов касситам является то, что касситы были древним, но грубым народом, жившим в пещерах и питавшимся желудями (доныне преимущественной пищей луров), грибами и соленым мясом диких животных, но эта характеристика, принадлежащая Диодору (XVII, 111), может относиться к более поздним временам, когда иранцы уже вытеснили касситов из долин. Во всяком случае, народ, чьи цари в течение 500 лет были господами Вавилона, не мог стоять за пределами цивилизации.

Итак, коневодческие древности северного Луристана придают новый вес греческим данным о долинах Нисайи; исторически мы можем ожидать в этих художественных предметах, вероятно, принадлежавших разным эпохам, результат тройного влияния: ранних индоевропейских проникновений, местной касситской культуры, смешанной с элементами, заимствованными из Вавилонии, и, наконец, мидийского искусства.

В. Ф. Минорский

⁴ V. Minor sky, Luristan — Encyclopédie de l'Islam, Leiden, 1928.